

УДК 81'282.2

DOI 10.17223/19986645/37/4

А.В. Блохинская

СЛАВЯНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ПРИАМУРЬЕ

В статье рассматривается современная языковая ситуация в Приамурье с учетом славянской составляющей. Подавляющее большинство населения Амурской области составляли и составляют восточные славяне. Еще в конце XIX в. на территории Амурской области отмечались русский язык во всех его формах, говоры белорусских и украинских переселенцев, украинский литературный язык. В настоящее время на территории области белорусские и украинские говоры утрачиваются под воздействием как языковых, так и внеязыковых факторов.

Ключевые слова: языковая ситуация; Амурская область; украинские говоры; русский литературный язык.

Территорию Амурской области, как и большинство территорий Дальнего Востока, относят к так называемым территориям позднего заселения, т.е. территориям, заселение которых происходило после формирования русского национального языка [1. С. 17]. С 1854 г. сюда стали переселять забайкальских казаков для охраны границ, а в 1859 г. началось крестьянское переселение на Амур, продолжавшееся вплоть до 1970 г. Подавляющее большинство переселенцев составляли восточные славяне: русские, украинцы и белорусы. Они же составляли большую часть населения Амурской области [2. С. 28, 50; 3]. Как заметила, Ю.В. Аргудьева, исследователь в области традиционной и современной этнографии русских, украинцев и белорусов на Дальнем Востоке, заселение юга Дальнего Востока (Амурская и Приморская области) в конце XIX – начале XX в. – это «прежде всего крестьянская восточнославянская колонизация с преобладанием на первом этапе русских, а на последующих – украинцев» [4. С. 36].

Переселенческие потоки не могли не оказать влияние на языковую ситуацию в данном регионе, характеризующуюся «особой пестротой по сравнению с европейской частью страны» [5. С. 14] и тем самым привлекающую внимание исследователей. Так, отмечается, что еще в конце XIX в. на территории Приамурья, кроме языков автохтонных народов, проживавших здесь изначально, сосуществовали русский язык во всех его формах, говоры белорусских и украинских переселенцев, украинский литературный язык, а также языки представителей других национальностей [6. С. 12–17]. Впервые на неоднородность языкового ландшафта региона обратил внимание А.П. Георгиевский, организатор диалектологической экспедиции 1928 г. в Приамурье: «Трудно отыскать такой район, в котором на значительном протяжении и в большем числе можно было встретить тип одного цельного говора. Везде комбинированные, смешанные говоры, и если можно говорить о каких-либо

господствующих типах, то только как господствующих сравнительно» (цит. по: [5. С. 14]). Однако со временем ситуация изменилась.

Анализ современной языковой ситуации в Амурской области, проведенный автором статьи на основании данных современных исследований говоров Приамурья (Н.Г. Арихипова, Д.Н. Галимова, О.Ю. Галуза, Л.В. Кирпикова, Е.А. Оглезнева, Л.Ф. Путятин и др.) с учетом исследования нового диалектного материала, собранного в полевых условиях во время фольклорно-диалектологических экспедиций в села области, показал, что в настоящее время доминирующим как по числу говорящих, так и по числу коммуникативных сфер, обслуживаемых данным идиомом, является русский литературный язык, что обусловлено его функциями: это язык государственный и титульный [7]. Он же является языком межнационального общения. Сфера использования других языков ограничена национальной средой.

Русский литературный язык через образование, СМИ оказывает значительное влияние на диалекты, бытующие на территории области, способствуя стиранию ярких диалектных особенностей, преобладанию литературных форм и слов над диалектными.

Так, потомки белорусских переселенцев, которые в настоящее время проживают в селах Амурской области, говорят уже на русском диалекте, хотя в их речи отмечается белорусская и украинская лексика [8. С. 37].

Наблюдается утрата украинских говоров. Среди старшего поколения потомков украинских переселенцев преобладающее большинство – носители русского говора, сохраняющие лишь единичные украинские диалектные вкрапления. Украинский говор сохраняется лишь в речи пожилых людей, в основном женщин, рожденных в 1920–1930 гг. либо на Украине и в последующем переселившихся в Приамурье, либо на территории Амурской области [9. С. 70]. Всю свою жизнь они прожили в деревне, работали в колхозе. Они, как правило, не имеют образования, или учились только в начальной школе. Для их речи характерно, например, «и» на месте «ять» (*мисяц, дитям*); различие *о* и *а* в безударной позиции после твердого согласного (*п[о]проситя, б[о]льший*); твердые согласные перед гласными переднего ряда (*возылы, дэрсим, у дэрэвнэ*); отсутствие перехода *е* в *о* (*возьмэш, тэща*); звонкий щелевой заднеязычный *γ* (*γарбы, бригада*); [у] на месте /л/ в формах прошедшего времени глагола (*ув моде быу, быу голос*); твердые губные согласные на конце (*кров, церков*); чередование твердой и мягкой фонемы /р/ (*тры, токар, курэй, три, бригада, веришь*); окончание *-ив (-ыв)* в форме р.п. мн. ч. существительных (*тракторив мало, холодильникив не было, з предкив наших*); окончание *-емо, -имо* у глаголов 1-го л. мн. ч. (*мы закрывемо, спевемо, мы держимо*); конечный [т'] у глаголов 3 л. мн. ч. и ед. ч. (*пьють, гуляють, сидить, кажет*); глаголы 3 л. ед. ч. без конечного [т] (*земляника там расте, вин живэ, знаэ, робэ*); окончания *-ы* у глаголов мн. ч. прошедшего времени (*жалы, жили, пережили*); местоимения 3 л. ед. ч. муж. р. *он и він* [вин]; двойные предлоги (*по-пид хатою, по-на воску*) и др.

Среднее и молодое поколения украинских переселенцев являются русскоговорящими. Однако для людей среднего возраста еще характерно пассивное владение украинскими говорами: они понимают речь своих родите-

лей, могут рассказать о реалиях прошлой жизни, используя украинскую и русскую диалектную лексику.

Это подтверждает сравнительный анализ языковых особенностей разных поколений потомков украинских переселенцев в одной семье: матери, носителя украинского говора (85 лет) Е., и ее дочери (55 лет) С.

Обе женщины родились в с. Николо-Александровка Октябрьского района Амурской области. Мать всю жизнь работала в колхозе. Ее родители приехали в Амурскую область из Полтавской губернии «давным-давно». Ее муж был русским, родился в Амурской области, его родители переселились «с Запада». Дочь С. имеет средне-специальное образование. Работала в селе бухгалтером.

Сравним их речь на разных языковых уровнях [10].

Фонетический уровень

1. В речи матери отмечается использование гласного [и] на месте этимологического «ять»: *хлеб, мисяц, дитям, дило, недили, всим*, а в речи ее дочери – [е]: *нет, пели, дети, ехали*.

2. В речи Е. фонемы /а/ и /о/ в первом предударном слоге после твердого согласного различаются: *конечно, к[о]лхоз, на к[о]нях, п[о]просится, б[о]льший, д[о]яркую, до р[о]дов*. Для С. характерна редукция гласных в безударных слогах: *к в[а]де, п[а]ём, в мол[ъ]д[ъ]сти*.

3. Употребление звонкого щелевого заднеязычного γ характерно как для старшего поколения переселенцев, так и для среднего. Однако есть ряд отличий. В речи дочери употребление звонкого заднеязычного γ несистемно. Он встречается в некоторых словах, в том числе и диалектных, а также при воспроизведении украинских песен: *гарба, в угород брали, в угороде садик, оно уладкое, «запряжайтэ, хлопцы, кони да ляжайтэ спочивать...»*.

4. В речи матери фонема /в/ реализуется в звуках [в] и [у], [ув]. [У] встречается перед согласным, перед гласными употребляется [в], [ув]: *усих, усё, у кучки, у тыл, у хату, овечки, девяносто, травы, ув армию, одевалися, посивали*. В речи дочери зафиксирован только [в]: *в конец огорода, всё было, в молодости, в городе, в печки, в паспорте*.

5. В речи С. фонема /ф/ реализуется как [ф]: *пирог с фасолью, отварят фасоль, сарафаны, кофты*, а у матери – [ф], [хф], [кф], [х] или [хв]: *на фронте, кфасоль, сарафанчики, свинохверма, конфэтку, хфермерской, кохту, схфотографировали, фотокарточку*.

6. Произношение [х] на месте [к] в речи дочери встретилось только в слове *трахтарами* (такое произношение характерно для жителей деревни). В то время как в речи матери зафиксированы формы: *хрэстик, хрещены, хто, нихто, трахтарив*.

7. В речи Е. отмечалась утрата /j/ в интервокальной позиции (*втора, перва, знаэте, больша, нефтяна, длинна*), что не характерно для речи ее дочери: *она такая, большая, такое, шоб тёплое, большие такие были*.

8. Употребление твердых согласных перед гласными переднего ряда в речи дочери встретилось при цитировании украинской песни: *в сад зэлэный, в остальных случаях: во зелёному саду, десять, восемь, не дала*. В то время как в речи матери наблюдается доминирование твердых согласных перед гласными переднего ряда: *плыты, возылы, дэсят, ходылы, святылы, молотылы, мэтр, мэтра (метр), помэр, самы, купыть, полэ, пэклы, пэрэшила, нэ знаю и др.*

9. На месте литературного *што* у С. произносится *чѣ*, а на месте *чтобы* – *шоб*. Материнский вариант *шо* не зафиксирован.

Морфологический уровень

1. Существительное *церковь* у Е. имеет формы двух склонений: *церква* – 1-го склонения и *церковь* – 3-го склонения (*була церква давным; та контора была церковь*), а у дочери – только 3-го склонения: *в той церкви*.

2. Местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода в речи С. имеет форму – он: *он с восемнадцатого*, параллельное употребление формы *вин*, характерное для ее матери, не встречается (*вин семь годов; вин всех перебирает; вин хрестик носит; но он отслужил; приехал он*).

3. В речи С. вместо местоимений *така, такэ* используются формы *такая, такое*: *она такая, такая-то, такое оно, не сильно такое*, в то время как у матери: *дороговизна така, врѣмя хоть не такэ, жизнь така разна, бабка была така, женщина така была*.

4. У Е. глаголы в форме 3-го лица единственного числа и множественного настоящего и будущего времени могут иметь на конце [т’]: *снимает, может, визуть в полѣ, заберуть, качають*. У С. глаголы 3-го лица единственного и множественного числа заканчиваются на твердый -т: *отмечают, собирают, возят, покормит, работает, заиграет, не выдерживает, выходит, выдерживает, отварят, прокрутят, празднуют*.

5. В речи старшего поколения глаголы прошедшего времени множественного числа имеют окончание -ы (*отдельлася, посивалы, делалы, добавлялы, ломалы*), а в речи среднего – -и: *возили, открыли, готовили*.

6. Глагол *быть* в речи дочери имеет формы: *было, была, были*: *десять было, всё было, была одна, они были, шали были, родственники были*, в то время как в речи Е. наблюдаются формы: *бул, було, была, була, був, булы, было*: *колхоз бул, свинохферма была, мала було, на свинарни була, був токаром, люды булы, ничего не было у нас*.

На лексическом уровне наблюдаются следующие различия:

Для С. характерно пассивное владение диалектной лексикой, в том числе и украинской. Она понимает речь своей матери, может ее комментировать, рассказывая о своем детстве, реалиях прошлой жизни, широко использует диалектные наименования предметов, процессов, явлений. В таблице представлены различия в речи матери и дочери на лексическом уровне.

Е.	С.
босяка (<i>так босяка ходылы</i>)	босяком (<i>босяком в основном ходили</i>)
вси (<i>и вси ему</i>)	все (<i>не все любят</i>)
гарба	гарба
дрожки	дрожки
маты, мама (<i>маты пошила платье</i>)	мама (<i>не помните, мам</i>)
нема	нет, нету (<i>числа ... нету</i>)
робити, работать (<i>робили тики</i>)	работать (<i>она работает</i>)
тачки	тачки
кажу (<i>Наверно, – кажу, – верышь</i>)	говорю (<i>я гварю</i>)
туточка	тут (<i>тут вот собирают</i>)
цѣ (<i>от це контора</i>)	это (<i>вот это</i>)

Сравнительный анализ языковых особенностей в речи матери и ее дочери позволяет отразить динамику изменений, которые происходят в речи потомков украинских переселенцев. Если Е. относится к диалектному типу, в ее речи сохраняется украинский говор, отмечается вариативность украинских и русских форм, то ее дочь является русскоговорящей.

Представленный анализ отражает общую тенденцию, выявленную в ходе фольклорно-диалектологических экспедиций в села Октябрьского района Амурской области, где отмечается постепенная утрата украинских говоров, что обусловлено, на наш взгляд, следующими причинами: постоянное взаимодействие с носителями русских говоров, смешанные русско-украинские браки, отсутствие возможности изучать украинский язык в школах, кружках и т.д., активное влияние русского литературного языка через образование на русском языке, СМИ, престижность «быть русским» в силу разных политических и исторических событий, а также индивидуальными особенностями диалектоносителей.

Итак, для современной языковой ситуации в Приамурье характерна утрата говоров белорусского и украинского языков. Основные причины утраты данных говоров – оторванность от основных диалектных массивов данных языков, влияние соседствующих русских говоров и русского языка.

Отметим, что такая ситуация типична для современного общества, где «наиболее высок социальный престиж литературного языка, как культурного символа нации» [11. С. 116], при этом переход от диалекта к литературному языку может быть вызван как сознательным отказом от своей языковой системы, что связано как с внутренним ощущением престижности другой системы [Там же. С. 117], так и с влиянием неязыковых факторов (политических, социальных и др.), желанием не выделяться на общем фоне говорящих. Кроме того, для территорий позднего заселения (к которым относится и Амурская область) характерна активность нивелирующих процессов, вызванных влиянием литературного языка, обусловленных соседством говоров разного типа, неоднородностью диалектных массивов и способствующих расшатыванию коммуникативной значимости диалектных систем и утрате их внутренней устойчивости [12. С. 8].

Таким образом, представленный в статье анализ позволил, с одной стороны, дополнить уже имеющиеся исследования языковых ситуаций территорий позднего заселения, а с другой – показать общность протекающих в них процессов.

Литература

1. Баранникова Л.И. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения // Язык и общество. 1967. Вып. 1. С. 16–35.
2. История переписей населения в Амурскую область: Записка. Амурстат. Благовещенск, 2010. 81 с.
3. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Амурской области: Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. по Амурской области. URL: <http://amurstat.gks.ru/perepis2010/itogivpn2010/default.aspx> (дата обращения: 03.06.2012).

4. *Аргудяева Ю.В.* Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – начало XX в.) Кн. 1: Крестьяне. Владивосток: ДВО РАН, 2006. 312 с.

5. *Рябинина Н.И.* Русские говоры Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во гос. пед. ин-та, 1996. 49 с.

6. *Оглезнева Е.А.* Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект: историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск, 2011. С. 7–25.

7. *Блохинская А.В.* Современная языковая ситуация в Амурской области // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 64. С. 155–162.

8. *Оглезнева Е.А.* Языковая ситуация в дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 356. С. 33–38.

9. *Блохинская А.В.* О степени сохранности украинских говоров на территории современного Приамурья (на материале говоров Октябрьского района) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2013. № 10. С. 69–73.

10. *Фоноархив* лаборатории региональной лингвистики АмГУ. Дневники № 592, 609.

11. *Калынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопр. языкознания. 1997. № 3. С. 115–124.

12. *Баранникова Л.И.* Говоры территории позднего заселения и проблемы методов их изучения // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983. С. 3–11.

THE SLAVIC COMPONENT OF THE MODERN LANGUAGE SITUATION IN THE AMUR REGION.

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY, 2015, 5(37), pp. 53–59.

DOI: 10.17223/19986645/37/4

Blokhinskaya Alyona V., Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: avblokhinskaya@mail.ru

Keywords: language situation; the Amur region; Ukrainian dialects; Russian literary language.

The colonization of the Far East began at the end of the 19th – early 20th centuries. Most immigrants were Eastern Slavs: Russian, Ukrainians and Belarusians.

Resettlement had an impact on the language situation in the region. Autochthonous peoples' languages, Russian language in all its forms, dialects of Belarusian and Ukrainian immigrants, Ukrainian literary language, the languages of other nationalities coexisted in the Amur region at the end of the nineteenth century. However, over time the situation has changed.

Russian literary language is the dominant language now. It is also the language of international communication. The use of other languages is limited to the national environment. Russian literary language has a significant impact on regional dialects and erases bright dialectal features. Thus, the descendants of Belarusian immigrants, who live in the villages of the Amur Region now, speak the Russian dialect, although the Belarusian and Ukrainian vocabulary is noted in their speech.

Ukrainian dialects are also being lost. The vast majority of the older generation descendants of Ukrainian immigrants use Russian dialects, but retain single Ukrainian dialect inclusions. The Ukrainian dialect is preserved only in the speech of some older individuals. It is mostly women born in 1920s–1930s in the Ukraine who later moved to the Amur region, or in the Amur region. During their life they have lived in the village, worked in the kolkhoz. They usually have no education or simply studied in an elementary school.

Middle and younger generations of Ukrainian immigrants are Russian-speaking people. But the people of the middle generation still passively know Ukrainian dialects: they know the speech of their parents, can tell you about the realities of the past life, using Ukrainian and Russian dialect vocabulary. This is confirmed by a comparative analysis of linguistic characteristics of different descendants' generations of Ukrainian immigrants in the same family: mother using the Ukrainian dialect (85 y.o.) and her daughter (55 y.o.).

References

1. Barannikova, L.I. (1967) О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения [Some peculiarities of the dialects in the territory of late settlement]. *Yazyk i obshchestvo*. 1. pp. 16–35.

2. Amurstat. (2010) *Istoriya perepisey naseleniya v Amurskuyu oblast': Zapiska. Amurstat* [The history of population censuses in Amur Oblast: A note. Amur Statistics]. Blagoveshchensk.
3. The territorial body of the Federal State Statistics Service of Amur Oblast. (2010) *Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. po Amurskoy oblasti* [Information materials on the final results of the national census in 2010 in Amur Oblast]. [Online]. Available from: <http://amurstat.gks.ru/perepis2010/itogivpn2010/default.aspx>. (Accessed: 03rd June 2012).
4. Argudyaeva, Yu.V. (2006) *Etnicheskaya i etnokul'turnaya istoriya russkikh na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.)* [Ethnic and ethno-cultural history of the Russian Far East in the south of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Book 1. Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences.
5. Ryabinina, N.I. (1996) *Russkie govory Dal'nego Vostoka* [Russian dialects of the Far East]. Komsomolsk-on-Amur: State Pedagogical Institute.
6. Oglezneva, E.A. (2011) Yazykovaya situatsiya v Priamur'e: dinamicheskiy aspekt. Istoriko-lingvisticheskiy ocherk [The language situation in the Amur region: the dynamic aspect. Historical and linguistic essay]. In: Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy* [Word: Folklore dialectological almanac. Materials of scientific expeditions]. Is. 9. *Slavyanskoe yazykoe vzaimodeystvie v Dal'nevostochnom regione* [Slavic linguistic interaction in the Far East]. Blagoveshchensk: Amur State University.
7. Blokhinskaya, A.V. (2014) Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Amurskoy oblasti [Modern linguistic situation in Amur Oblast]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 64. pp. 155–162.
8. Oglezneva, E.A. (2012) Language situation in the Russian Far East: dynamics of Slavonic elements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 356. pp. 33–38. (In Russian).
9. Blokhinskaya, A.V. (2013) O stepeni sokhrannosti ukrainskikh govorov na territorii sovremennogo Priamur'ya (na materiale govorov Oktyabr'skogo rayona) [The degree of preservation of Ukrainian dialects on the territory of modern Amur region (based on the dialects of the Oktyabrsky district)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10. pp. 69–73.
10. Phonoarchive of the Regional Linguistics Laboratory of Amur State University. Records 592, 609. (In Russian).
11. Kalnyn', L.E. (1997) Russkie dialekty v sovremennoy yazykovoy situatsii i ikh dinamika [Russian dialects in modern language situation and their dynamics]. *Voprosy yazykoznaviya*. 3. pp. 115–124.
12. Barannikova, L.I. (1983) Govory territorii pozdnego zaseleniya i problemy metodov ikh izucheniya [Dialects of the territory of late settlement and the problem of methods of their study]. In: Palagina, V.V. (ed.) *Problemy izucheniya russkikh govorov vtorichnogo obrazovaniya* [The study of Russian dialects of secondary formation]. Kemerovo: Kemerovo State University.